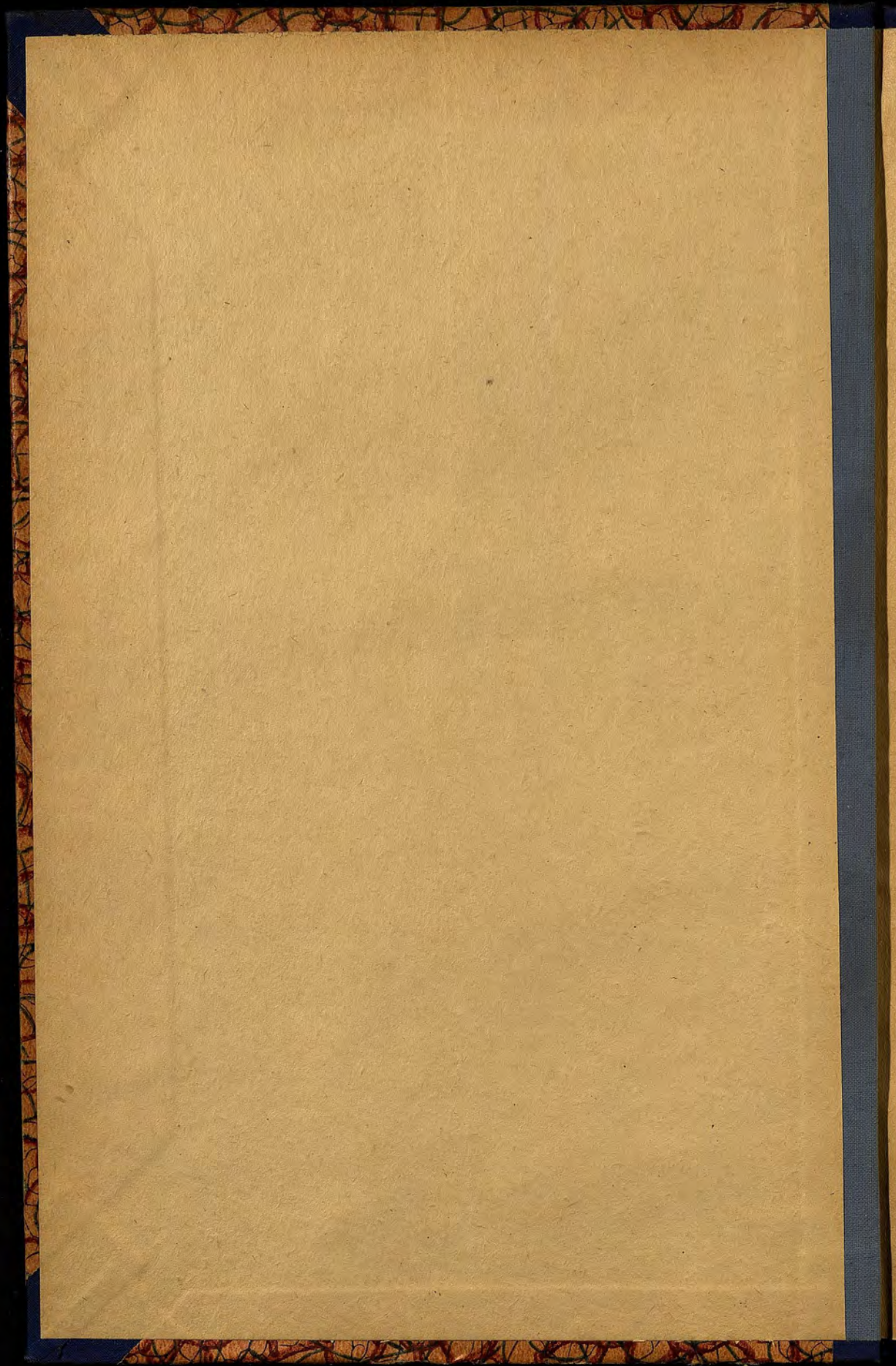
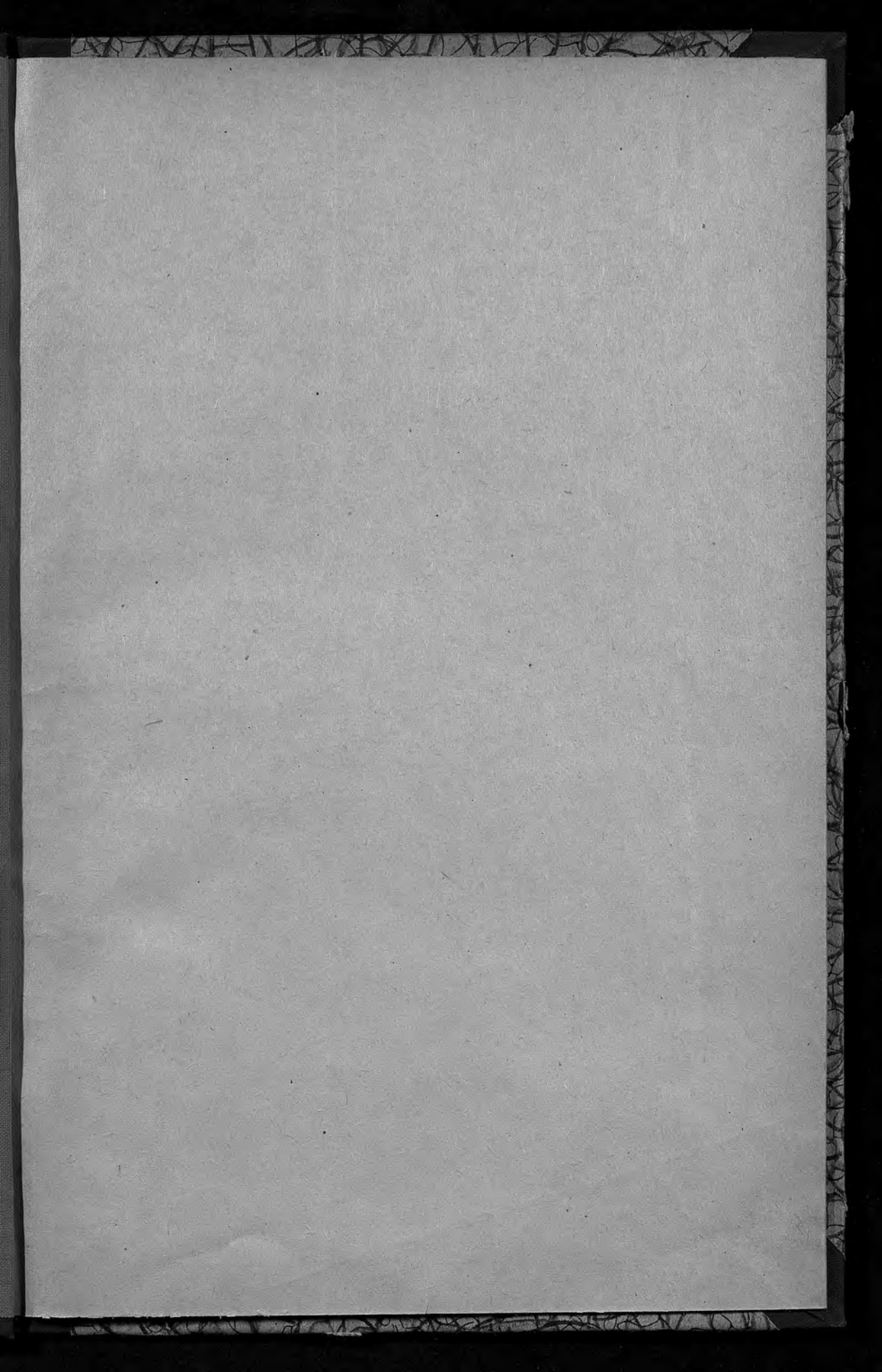
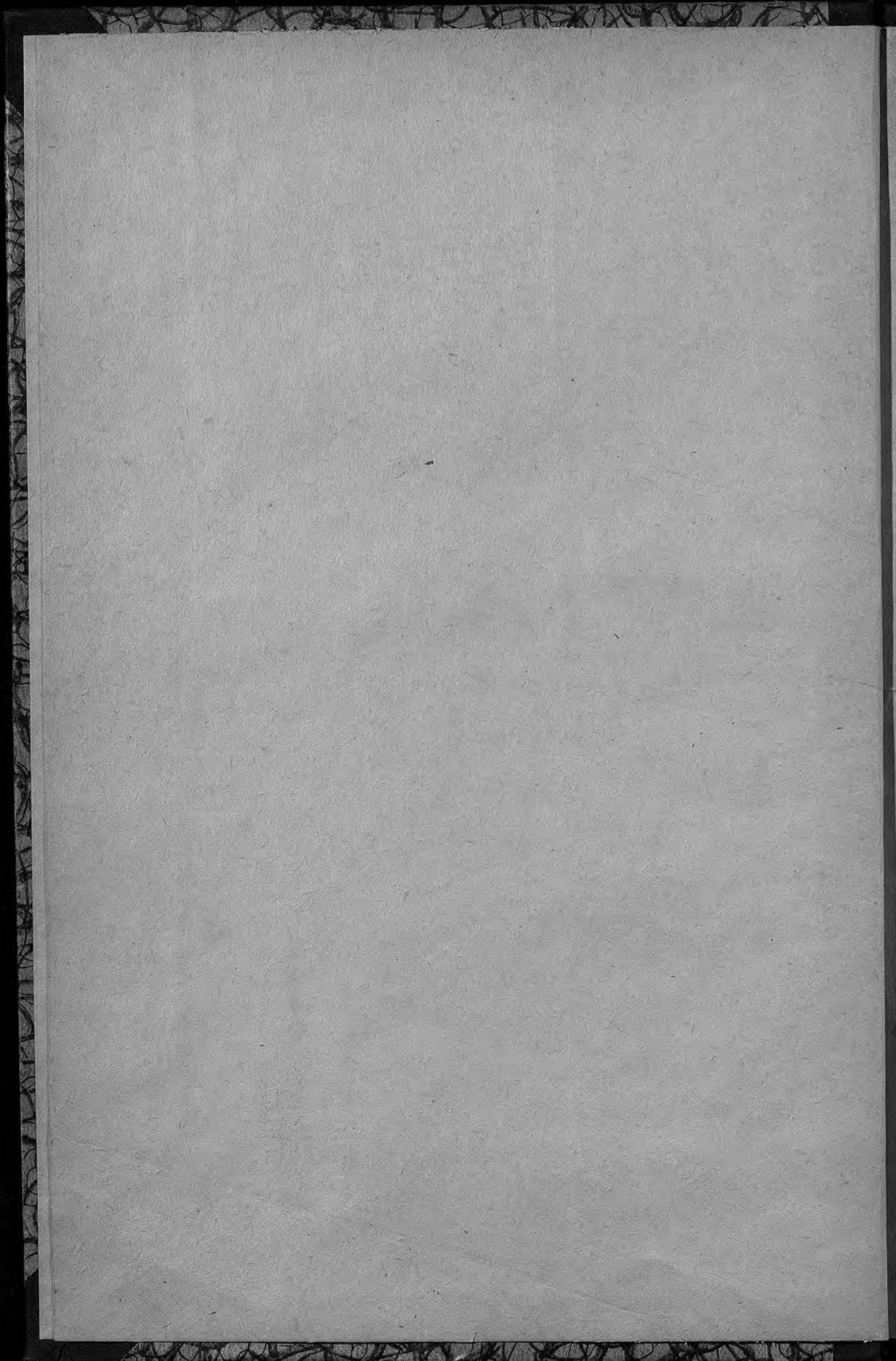


15126 76









Миловидов, И.

Слѣды Миеологіи древнихъ обитателей Костромского края.

Тѣ вещественныя памятки сѣдой старины здѣшняго края, которые уже нѣсколько лѣтъ членами архивной комиссіи ежегодно извлекаются въ немаломъ количествѣ изъ нѣдръ Костромской земли, повидимому, малоцѣнные въ смыслѣ матеріала, изъ котораго они сдѣланы, весьма цѣнны для археологіи и начальной исторіи Костромского края. Надо сказать, что аб ово, или отъ времени глубокой древности, начальная исторія здѣшняго края мало изслѣдована и мало извѣстна. По историческимъ свѣдѣніямъ и изслѣдованіямъ мы знаемъ о составѣ древняго здѣсь населенія, знаемъ, что Великорусы, какъ всѣ великіе историческіе народы: Римляне, Англичане, Французы и др. являются народамъ смѣшаннымъ. Писатели классической древности повѣствуютъ, что на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ теперешней Россіи обитали финскія племена, которыхъ греческій историкъ Геродотъ (5-й вѣкъ до Р. Х.) называетъ разными именами: Антропофаги, Меланхлены, Гиперборей и др. Позднѣйшій римскій историкъ Тацитъ (1-й вѣкъ по Р. Х.) именуется эти племена общимъ германскимъ названіемъ—Финны. Тацитъ такъ описываетъ ихъ состояніе: „у Финновъ чистая дикость, гнусная бѣдность: нѣтъ ни оружія, ни лошадей, ни пенаговъ; ихъ пища—травы, одежда—кожа, ложе—земля; вся надежда на стрѣлы, которыя, за неимѣніемъ желѣза, они заостряютъ костями. Охота кормитъ одинаково мужчинъ и женщинъ... Дѣтямъ нѣтъ другого убѣжища отъ непогоды и звѣрей, кромѣ шалашей, сплетенныхъ изъ вѣтвей; сюда идутъ юноши, сюда удаляются старцы. Они считаютъ это состояніе болѣе счастливымъ, чѣмъ обрабатывать поля, строить дома, дрожать за свое нищество, завидовать чужому. Не опасаясь людей, не страшась боговъ,—они достигли трудно достижи-

маго: они ничего не желаютъ“. *) Вполнѣ ли вѣрна и всѣхъ ли Финновъ касается эта характеристика Тацита,—это вопросъ доселѣ вполнѣ неразрѣшенный. Такая характеристика должна, повидимому, стать въ противорѣчіе съ тѣми вещественными данными, которыя нами извлечены изъ финскихъ кургановъ; послѣднія вовсе не говорятъ за то, чтобы у Финновъ—Мерянъ была чистая дикость, гнусная бѣдность, чтобы у нихъ не было ни оружія, ни лошадей, ни пенаговъ. Мы, напротивъ, имѣемъ нѣсколько мѣдныхъ фигуръ коней, домашнихъ птицъ; имѣемъ изображеніе наваеса, можетъ быть, видъ капища и въ срединѣ его какъ бы изображеніе жертвенника. По сторонамъ этого стренія изображены два коня, что могло имѣть значеніе и религиозное, судя по миеологическому значенію коня, какъ символа божества солнца, что будетъ уяснено дальше. Если бы у Финновъ не было самыхъ оригиналовъ, то могли ли бы они дѣлать эти изваянія? Вытти изъ этого противорѣчія можно, руководствуясь слѣдующими соображеніями: во 1-хъ, ученые полагаютъ, что Тацитъ зналъ о Финнахъ по слухамъ; во 2-хъ, думаютъ, что онъ такъ характеризовалъ Лопарей и Финновъ прибалтійскихъ; въ 3-хъ, слѣдуетъ присоединить и то соображеніе, что Тацитова характеристика Финновъ относится къ 1-му вѣку по Р. Х., слѣдовательно, ко времени задолго до распространенія между ними вліянія и колонизаціи арійскихъ народовъ—Германцевъ и Славянъ и задолго до установленія торговыхъ сношеній съ ними народовъ востока. Писатели 6-го и послѣдующихъ вѣковъ (напр. готскій историкъ Иорданъ) упоминаютъ въ числѣ Финновъ жителей

*) Тацитъ „German“, с. 46-я.

271/5

сѣверной Россіи—Мерю, населявшую, между прочимъ, и значительную часть нынѣшней Костромской губерніи, Мордву, Чудь, Веси и др. По свидѣтельству Юрнанда (6-го вѣка), готскому царю Германариху повиновались многія племена, изъ которыхъ мы узнаемъ Мерю, Мордву и другихъ финскихъ народовъ. *) Изъ Скандинавскихъ сагъ извѣстно о Финнахъ, какъ о находившихся не на степи дикарей, а какъ, напр., о ковачахъ оружія. Крайне скудная свѣдѣнія о Финнахъ до XI вѣка проливаютъ всетаки слабый свѣтъ на ихъ древнѣйшую исторію. По крайней мѣрѣ мы можемъ заключить, что въ IV и V в.в. по Р. Х. среди Финновъ и въ частности среди Мерянъ могло распространиться вліяніе Германцевъ чрезъ Готовъ; могли, такимъ образомъ, проникать въ среду подвластныхъ Готамъ Финновъ германскія вѣрованія и могли быть восприняты ими отъ Германцевъ общія арійскимъ народамъ религіозно-мифическія представленія. — Болѣе вѣрныя свѣдѣнія для этнографіи финскихъ народовъ даетъ намъ первоначальный лѣтописецъ: „на Вьлоозерѣ, говоритъ онъ, сѣдять Веси, а на Ростовскомъ озерѣ—Меря, а на Клешиаѣ озерѣ (Переславльское нынѣ)—Меря же; по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Муромъ, языкъ свой, и Черемиси, свой языкъ, Мордва, свой языкъ... Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словенѣхъ, на Мери и на Весѣхъ... Первіа насельници въ Новѣгородѣ—Словене... въ Ростовѣ—Меря“... По историческимъ изслѣдованіямъ извѣстно, что Меряне обитали и на лѣвой сторонѣ верхней Волги, на всемъ пространствѣ отъ устья рр. Мологи и Шексны приблизительно до р. Ужи **). Названія мѣстностей и рѣкъ (р. Нерская, впадающая въ р. Москву) свидѣтельствуютъ, что на югъ Меряне обитали до р. Москвы и р. Окою проникли въ Рязанскій и Пронскій уѣзды. Мерю окружали съ 3-хъ сторонъ единоплеменные съ нею народности финскія: Муромъ, Мордва, Черемиса и Веси. Съ одной только западной стороны граничили съ нею племена народности славянскія: Славяне (Новгородскіе), Кривичи, Вятичи. Къ границамъ трехъ Финскихъ племенъ: Веси, Мери и Мурома равне

*) „De rebus geticis“, стр. 103.

**) Замысловскій. Истор. атласъ по Русс. исторіи, стр. 9.

всего направилась колонизація славянская. Среди Финновъ она началась, по свидѣтельству нашихъ историковъ *), еще во времена доисторическія, что отчасти доказывается и славянскими названіями городовъ у Финновъ, напр.: у Мерянъ—Ростовъ, у Веси—Вьлоозеро, существовавшихъ до такъ называемаго призванія варяжскихъ князей или до 862 года. Только ранней славянской колонизаціей среди Финновъ можно объяснить раннее ославяненіе Мери и нѣкоторыхъ другихъ финскихъ народностей, или, какъ нѣкоторые ученые видятъ въ этомъ фактѣ, какъ бы исчезновеніе ихъ куда-то изъ великой Россіи. Они не исчезали, не переселились отсюда массами въ другія мѣста; ни лѣтописи, ни преданія не знаютъ ни общаго истребленія финскихъ племенъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ знали ихъ первоначальный лѣтописецъ, ни общаго переселенія ихъ оттуда, а между тѣмъ современный этнографъ не находитъ ихъ на этихъ мѣстахъ; стало быть они не перешли, не истреблены, а переродились. Перерожденіе это началось въ эпоху доисторическую и совершалось постепенно. Первою ступеню къ скорѣйшему и ближайшему ославяненію Мерянъ было пограничное смѣшеніе различныхъ народностей на западной границѣ Мерянскаго народа, откуда втекали въ ихъ землю р.р. Москва, Клязьма и Волга. Исслѣдователи не сомнѣваются, что по этимъ именно рѣкамъ произошли первыя вторженія славянскихъ племенъ и Варяговъ въ мерянскія земли и что Меряне рано ославянились, или обрусѣли.

Мы нѣсколько распространились по этнографіи древнихъ насельниковъ Великороссіи и въ частности Костромскаго края, потому что для насъ, какъ увидимъ дальше, для объясненія вопроса о мифологіи мерянской очень важно установить, по крайней мѣрѣ, фактъ ранняго вообще вліянія на Финновъ и въ частности на Мерянъ—народовъ арійскихъ и даже ранняго ассимилированія первыхъ съ послѣдними. Мы подходимъ къ вопросу о религіи и мифологіи Финновъ и въ числѣ ихъ Мерянъ. По словамъ историка профессора Бестужева-Рюмина (1 т. Русс. исторіи, стр. 73) вопросъ этотъ болѣе сложенъ, чѣмъ оная кажется съ перваго взгляда. Трудность его рѣшенія зависитъ отъ

*) Русская истор. Бестужева-Рюмина, т. I, гл. VI, стр. 64.

Государств. публичная
историческая
библиотека СССР

768440 ✓

крайней скудости дошедших до насъ изъ древности свѣдѣній о Финнахъ. Мы знаемъ, напр., что въ Біарміи было чтимо божество Юмалы, общефинское божество неба. У большей части финскихъ народовъ мы встрѣчаемся съ самыми первоначальными формами мѣологіи: со страхомъ передъ вѣщными явленіями, который, быть можетъ, не безъ содѣйствія окружающей природы, создалъ обширную демонологію. Для рѣшенія нашего вопроса имѣетъ очень важное значеніе замѣчаніе академика Шифнера: „Западныя вѣтви финскаго племени, переселяясь изъ своей далекой прародины т. е. съ Алтая въ нынѣшнія мѣста своего жительства, не принесли съ собою сформированнаго религіознаго ученія, но узнали и приняли готовое лишь только тогда, какъ пришли въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми народами индо-германскаго племени, опередившими ихъ въ образованіи. Что же до тѣхъ поръ имѣли у себя финскіе народы, то было не много выше шаманства, или по крайней мѣрѣ ограничивалось какимъ нибудь числомъ стихійныхъ существъ“ *). При такомъ положеніи дѣла становится яснымъ подчиненіе финскаго элемента славянскому и еще раньше, какъ мы говорили, германскому чрезъ Готовъ. Вопросъ: принадлежали ли Меряне къ народамъ арійскимъ, какъ мы слышали, поставляется теперь на очередь. Допустимъ еще прежнее мнѣніе, что они къ Арійцамъ не принадлежали и что, какъ Финны, они общаго происхожденія съ народами тюркскаго племени, въ виду же скудости дошедшихъ до насъ свѣдѣній о мѣологіи древнихъ Финновъ и имѣя основаніемъ приведенное мнѣніе академика Шифнера, мы не можемъ ничего опредѣленнаго сказать о чисто самотытной мѣологіи древнихъ Финновъ и въ частности Мерянь. Припомнимъ мнѣніе историка профессора С. М. Соловьева, гдѣ онъ касается вопроса о древне-финской мѣологіи, что нельзя отвергать факта заимствованія религіозныхъ культовъ однимъ народомъ у другого. Въ силу этихъ соображеній мы склонны думать, что мѣологія Мерянь должна быть сблизжена, если не отождествлена, съ мѣологіею славянскою, или еще шире съ общеарійскою. Для этого мнѣнія мы въ свою очередь имѣемъ нѣкоторыя основанія: во-1-хъ, въ наименованіяхъ селеній и

мѣстностей, происшедшихъ отъ названій божествъ славянскихъ, напр. божествъ Тура и Волоса *) въ такихъ мѣстахъ здѣшней губерніи (село Туровское близъ Галича; въ Вуйскомъ уѣздѣ Волотова-Гора, по теченію рѣки Костромы ниже впаденія въ нее рч. Мезы мы знаемъ озеро Идолоское, озеро Турово, Волосское), которыя въ древности были населены Мерянами; во-2-хъ, на эту мысль наводятъ насъ и нѣкоторые изъ находящихся здѣсь на таблицахъ предметовъ, добытыхъ изъ такъ называемыхъ мерянскихъ кургановъ здѣшней губерніи; обращаютъ на себя вниманіе мѣдныя фигуры коней или коньковъ, барашковъ, пѣтуховъ и вообще птицъ. Судя по мѣологическому значенію этихъ животныхъ у нашихъ предковъ, какъ это будетъ выяснено ниже, мы склоняемся къ мысли, что эти изображенія служили не только ничего не значущими украшеніями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, имѣли религіозно-символическое значеніе. Ошибаемся мы или нѣтъ, это покажутъ дальнѣйшія изслѣдованія быта Мерянь. Теперь мы сводимъ нашу рѣчь къ тому, что, не имѣя прямыхъ и опредѣленно полныхъ свѣдѣній о чисто финской мѣологіи, на основаніи научныхъ изслѣдованій, будемъ говорить о слѣдахъ мѣологіи въ здѣшнемъ краѣ рано сюда проникшихъ и скоро здѣсь слившихся съ Мерянами древнихъ насельниковъ — Славянъ.

Въ лѣтописяхъ, церковныхъ уставахъ и, въ особенности, въ поученіяхъ духовныхъ лицъ нерѣдко встрѣчаются указанія на божества, которыми Русскій народъ поклонялся въ язычествѣ. Во многихъ мѣстахъ почитаніе языческихъ божествъ сохранялось въ народѣ въ теченіе еще нѣсколькихъ столѣтій послѣ принятія имъ христіанской вѣры и слѣды этого поклоненія далеко не исчезли еще и въ наше время. Наибольше распространено было, очевидно, поклоненіе стихійнымъ божествамъ, явленіямъ природы, а именно: свѣтлѣамъ небеснымъ, огню и водѣ, землѣ, камнямъ и горамъ, деревьямъ и рошамъ (и живущимъ въ нихъ духамъ). Константинъ Багрянородный (10-й вѣкъ) рассказываетъ, что Россы (на пути въ Царьградъ въ 949 г.) у весьма великаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ. Въ церковномъ уставѣ, при-

*) Записки акад. наукъ, т. 1, кн. 1 стр. 132, 1862 г.

*) Подробнѣе объ этихъ божествахъ мы будемъ говорить ниже.

писываемомъ св. кн. Владимиру, запрещалось молиться подъ овиномъ (т. е. огню), или въ рощеніи, или у воды. Въ Густынской лѣтописи говорится: „Людіе же тогда... тмоу идолобѣсія помрачены суще; жертвы богомерзкія богомъ своимъ приношаху и озерамъ, и кладземъ, и рощеніямъ и пр. *) Въ посланіи Макарія, архіепископа Новгородскаго, къ Иоанну Грозному говорится: во многихъ Русскихъ мѣстахъ до сего времени (1534 г.) обычая держакхуся отъ древнихъ прародителей... Суть же сѣверныи мольбища ихъ дѣсь, и каменіе, и рѣвки, и блата, и просто рещи всей твари поклоняхуся, ако Богу и чтаху и жертву приношаху кровную бѣсомъ волы, и овцы, и всякъ скотъ и птицы. **) Большимъ уваженіемъ пользовались небесныи свѣтила... Средневѣковые мусульманскіе писатели свидѣтельствуютъ о почитаніи Славянами солнца, небесныхъ свѣтилъ и огня. Писатель начала 13-го в. (Ибрагимъ-бень-Весифъ-шахъ) свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые Славяне исповѣдуютъ христіанскую вѣру, другіе язычники и поклоняются солнцу. Народъ поклонялся выше названнымъ предметамъ, преимущественно какъ явленіямъ природы, но въ то же время нѣкоторые изъ этихъ явленій въ народномъ воображеніи воплощались въ образы личныхъ боговъ и богинь, въ честь которыхъ воздвигались мѣстами идолы и капища. Не только въ Кіевѣ кн. Владимиромъ было поставлено много кумировъ, напр. извѣстны кумиры Перуна, Хорса, Дажь-Бога, Стрибога и др., но и на нашемъ сѣверѣ они были воздвигаемы; такъ въ Ростовѣ, по преданію, находился идолъ Велеса или Волоса, который былъ сокрушенъ св. Аврааміемъ Ростовскимъ (въ 12-мъ в.). Многочисленныя названія городовъ, селеній, рѣкъ, долинъ, горъ, мѣстъ народныхъ гуляній и т. п., разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, названія, очевидно, данныя въ честь разныхъ языческихъ божествъ, несомнѣнно доказываютъ почитаніе народомъ въ язычествѣ соответствующихъ боговъ въ данныхъ мѣстностяхъ, хотя и незасвидѣтельствованное письменными памятниками. Въ предѣлахъ темы нашей бесѣды мы приводимъ названія такихъ мѣстностей, сохранившіяся и доселѣ въ Ко-

стромской губерніи, съ упоминаніемъ мѣстностей сходныхъ названій въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Такъ въ Буйскомъ уѣздѣ существуетъ Волотова-Гора, названіе, очевидно, въ честь языческаго бога Волоса, идолъ котораго или капище могли находиться здѣсь въ старину. *) Подобнаго названія въ Новгородѣ Великомъ есть улица Волосова, на которой, по преданію, стоялъ кумиръ Волосовъ. Были въ Новгородѣ и монастырь Волотовъ и церковь Богоматери на Волотовѣ. **) Во Владимірскихъ преданіяхъ сохранилась память о Волосѣ въ наименованіи Волосова-Никольскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго (въ 16 верстахъ отъ г. Владиміра), по преданію воздвигнутаго на мѣстѣ уничтоженнаго языческаго капища, посвященнаго богу Волосу. ***) Вблизи города Галича есть село Туровское. Это названіе производятъ отъ имени языческаго божества — Тура. Существуетъ дер. Ярилово на рч. Песомѣ въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, въ Галичскомъ уѣздѣ есть гора Поклонная, получившая это названіе, очевидно, отъ того, что въ старину здѣсь поклонялись идолу божества Ярилы, по преданію, здѣсь стоявшему. Доселѣ во Всѣхсвятское заговѣнье народъ собирается на этой горѣ для гулянья. Около г. Галича указываютъ около озера мѣсто идола другого божества Купалы, куда 24 іюня городскіе жители и доселѣ стекаются для гулянья и катанья по озеру съ плѣнами. Въ Костромѣ поле, гдѣ бываетъ народное гулянье во Всѣхсвятское заговѣнье, извѣстное подъ названіемъ Яриловки, въ сказаніяхъ именуется Ярилово-поле ****) Ярилова роща есть около г. Кинешмы. Народныя гулянья въ Ярилинь день (въ христіанскую пору во Всѣхсвятское заговѣнье) устраиваются близъ г. Нерехты, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нерехтскаго уѣзда; на возвышенномъ лѣвомъ берегу Волги противъ деревни Чернонена въ Костромскаго уѣзда; послѣднее гульбище извѣстно теперь подъ на-

*) Дер. Волоново на р. Векѣ Буйскаго уѣзда; Волоново на рч. Масловкѣ въ томъ же Буйскомъ уѣздѣ; дер. Волосово въ 12 верстахъ отъ г. Нерехты.

**) Карамзинъ. Истор. Гос. Рос., т. V, прим. 107 и 137.

***) Мѣстн. сказан. 8—9.

****) Фамилицынъ, „Божества древ. Слав.“, стр. 223.

*) Полн. собр. Русск. лѣтописей, II, 234; тамже V, 84.

**) Тамже, V, 873

званіем Воронки, но по характеру оно сходно съ другими гуляньями, извѣстными подъ званіемъ Яриловка. Названіе нашего города „Кострома“ совершенно тождественно съ древне-славянскимъ названіемъ той куклы, которая изготовлялась изъ соломы и—какъ, очевидно, представлявшая собою изображеніе божества древне-славянскаго Весны-Костромы, потоплялась въ водѣ рѣки или озера во время гулянья въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Этотъ обычай былъ извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ „похоронъ Костромы“. Наконецъ въ Костромской губерніи, въ Макарьевскомъ уѣздѣ, есть Троицко-Бѣлбожскій монастырь, очевидно, того же названія, какъ и названіе урочища близъ с. Городка въ окрестностяхъ Москвы „Бѣлые бѣги“. Оба наименованія производятъ отъ имени древне-славянскаго божества Бѣлбога *). Объ этомъ божествѣ историкъ Карамзинъ повѣствуетъ слѣдующее: „Славяне въ самомъ безразсудномъ суевѣрїи имѣли еще понятіе о Богѣ единственномъ и вышнемъ, коему, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя лучезарными свѣтилами, служатъ достойнымъ храмомъ и который печется только о небесномъ, избравъ другихъ низшихъ боговъ, чадъ своихъ, управлять землею. Его то, кажется, именovali они преимущественно Бѣлымъ-Богомъ“ (**). У всѣхъ древнихъ Славянъ, какъ и у прочихъ народовъ арійскаго племени, находимъ понятіе о божественномъ представителѣ неба, единомъ верховномъ Богѣ, живущемъ на небесахъ, властвующемъ надъ всѣми прочими. Небо, какъ источникъ необходимыхъ для всего живущаго факторовъ: свѣта съ одной стороны и влаги съ другой, проявляетъ свое благотворное дѣйствіе въ странахъ болѣе сѣверныхъ, холодныхъ, преимущественно въ образѣ солнца. Поэтому понятіе о Бѣлбогѣ, какъ высшемъ представителѣ небеснаго свѣта и добра, какъ у западныхъ, такъ и у восточныхъ Славянъ отождествлялось съ образомъ бога солнца, источника вышшаго свѣта и тепла. У западныхъ Славянъ такимъ богомъ боговъ былъ Святovitъ. Въ культѣ обще-славянскаго бога Бѣлбога и Святовита мы находимъ черты, свойственныя специально богу солнца, напр. бѣлый конь, посвященный Святовиту.

*) Фаминцинъ, „Божества древ. Слав.“, стр. 141.

***) Ист. Карамзина, томъ I, стр. 49.

Конь у народовъ арійскихъ былъ символомъ солнца; такъ въ войскахъ царя Дарія упоминается Солнцевъ-конь; бѣлые кони были приносимы Персами въ жертву богу солнца; кони посвящались Греками Геліосу, Римлянами Марсу. По ходу Святovitова коня производились гаданія жрецами Арконскаго Святovitова храма на островѣ Рюгенѣ. Вотъ символически-религіозное значеніе коня, о чемъ мы уже имѣли случай упомянуть. Это значеніе коня мы раскроемъ еще болѣе въ послѣдующемъ трактатѣ о божествѣ солнца. У восточныхъ Славянъ богъ солнца носилъ различныя названія и проявлялся въ разныхъ видахъ. Наиболѣе часто упоминаемымъ названіемъ бога солнца было имя Хорсъ, встрѣчающееся въ историческихъ памятникахъ обыкновенно рядомъ съ божествомъ грома и молніи—Перуномъ. Къ имени Хорсъ, въ смыслѣ его поясненія, иногда прибавляется въ памятникахъ названіе Дажь-Богъ. Ученые слову Хорсъ, распространенному между славянскими народами, Германцами, Скандинавами, Англо-Саксами, по филологическимъ изслѣдованіямъ этого слова, придаютъ значеніе коня *). Изъ Риг-Веды мы знаемъ, что первоначальной зооморфической формой угреняго или весенняго солнца были конь и конская голова, какъ символы быстроты, съ которою распространяется свѣтъ. Представленіе солнца въ видѣ коня обще многимъ народамъ; такъ, оно у Персовъ представлялось въ образѣ бѣлаго, быстро бѣгущаго коня, у Скандинавовъ—въ видѣ свѣтлогриваго коня. Конской головѣ народомъ приписывалось какъ въ Германїи, такъ и повсемѣстно у Славянъ особенное значеніе. Доказательствомъ этому служить еще и въ наше время не забытый во многихъ мѣстахъ обычай—украшать крыши домовъ коньками, т. е. изображениями одной или двухъ конскихъ головъ. Въ древнемъ Римѣ голова коня, принесеннаго въ жертву Марсу, прикрѣплялась къ башнѣ или къ стѣнѣ, очевидно, съ цѣлю предохранить соответствующую часть города отъ невзгодъ. У Вендовъ (т. е. древнихъ Славянъ) головы лошадей, насаженныя на заборахъ вокругъ конюшенъ и хлѣбовъ, охраняли стада отъ моровой язвы, а положенныя въ ясли отгоняли злыхъ духовъ изъ конюшенъ. Конскій черепъ, воткнутый

*) Фаминцинъ „Божества древнихъ Славянъ“, стр. 201.

на шесть на мѣстѣ ночлега табуна, по вѣрованію Вѣлоруссовъ, защищаетъ его отъ опасности. Въ Подиѣстровьи втыкаютъ кобылью голову на колы плетня въ огородѣ—, чтобы все родило“. Конская голова играетъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи важную роль, какъ предварительное отъ всякихъ бѣдъ и недуговъ средство; ее зарываютъ въ плотинѣ, чтобы послѣднюю не размыло въ половодье (на Украинѣ); конскую голову бросаютъ на Ивановскій (24 іюня) костеръ, чтобы отогнать нечистую силу; конскій черепъ кладутъ подъ изголовье страдающаго лихорадкою. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ Тульской губерніи находится конь-камень, вокругъ котораго совершается обрядъ опахиванія во время скотскаго падежа. У другого коня-каменя, на островѣ Коневцѣ (на Ладожскомъ озерѣ), еще въ 15 вѣкѣ приносили въ жертву коня *). Въ виду столь важнаго повсемѣстно распространеннаго міеологическаго значенія коня, можно заключить, что слово *Hors* или *Hros* (Хорсь, Хрсь), особенно сопоставленное съ *Marsom*, которому оно придано какъ эпитетъ въ одной надписи въ Умбріи и которому въ Римѣ приносили коня въ жертву, означало именно „конь“. Въ англійскомъ языкѣ конь и коня называется словомъ отъ того же корня (*a horse*). У вѣкторныхъ югозападныхъ Славянъ эмблемою бога солнца повсемѣстно служилъ бѣлый конь; ему повсемѣстно приносили въ жертву коня бѣлой масти.

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ древнихъ русскихъ обычаяхъ, въ соблюденіи которыхъ конь или изображеніе его играютъ важную роль. Существовалъ обычай водить кобылку. Въ одномъ памятникѣ 17-го в. **) говорится: „въ навечерье Рождества Христова и Васильева дня, т. е. на 1-е января, и Богоявленія Господня вкладываютъ на себя личины и платье скоморожское, межъ зебя нарядя, бѣсовскую кобылку водятъ“. Въ одной дополнительной статьѣ къ Судебнику (отъ 24 дек. 1636 г.) приказывается: „кликать бирючу по рядамъ и по улицамъ, и по слободамъ и въ сотняхъ, чтобы съ кобылками не ходили и на игри-

ща мірскіе люди не сходились“;—запрещается затѣмъ кликать Коледу, Овсена *). По связи рѣчи видно, что хожденіе съ кобылками причислялось къ святочнымъ игрищамъ. Это былъ особаго рода маскарадъ о святкахъ, т. е. въ языческую пору въ праздникъ возрожденія солнца, связанный съ міеологическимъ значеніемъ коня, представителя быстро несущагося по небесному своду солнца. Въ Каринтіи, заселенной Славянами, и въ Пруссіи, прежде также населенной Славянами, предъ праздникомъ Рождества Христова устраивается такое же маскарадное шествіе, въ которомъ видную роль играетъ вездикъ на бѣломъ ковѣ.—Въ Пензенской губерніи въ послѣдній день весны, въ Духовъ день, нѣсколько молодыхъ ребятъ, прикрывшись пологами, образуютъ изъ себя подобіе лошади. Одна изъ женщинъ, наряженная въ солдатскій мундиръ, командуетъ лошадью. Всѣ дѣвочки провожаютъ ихъ за село и прощаются съ ними.—Это называется проводами весны **). Въ Саратовской губерніи, по свидѣтельству Сахарова (сказ. Рус. народа 11, 7, 42), во время стариннаго обряда проводовъ весны (30 іюня) народъ собирается за городомъ. Тамъ готовится чучело лошади иносятся его взадь и впередъ по дугу въ сопровожденіи огромной толпы.—Съ именемъ божества солнца—Хорсь соединяется еще другое: Дажь Богъ. Послѣднее названіе имѣетъ корень *Dag* замѣненное въ *Tag* въ германской міеологіи; *Dag* у Скандинавовъ было именемъ бога дня, котораго всевышній отецъ посадилъ на небѣ, давъ ему свѣтло-гриваго коня. Отсюда заключаютъ, что *Tag* или *Dag* былъ тоже богомъ солнца.—Выводъ отсюда дѣлаютъ также: Хорсь—Дажь богъ значитъ конь—дневной богъ, или конь—Вѣлбогъ, конь—солнце ***). Изъ изложеннаго можно уже составить понятіе о томъ важномъ міеологическомъ значеніи, какое имѣлъ конь у древнихъ народовъ и у нашихъ предковъ Славянъ.—Мы воздержимся покуда отъ положительнаго вывода о значеніи конскихъ мѣдныхъ фигуръ, добытыхъ нами изъ такъ называемыхъ мерянскихъ кургановъ, но въ виду распространеннаго между древними народами Арійской семьи

*) Снегиревъ, Рус. пр. празд. I, 15--16.

**) Память воеводы Верхотурскаго Всеволожскаго—приказу Ирбитской слободы Григорью Барыкину, 1649 г. Допол. къ акт. ист. I, 125.

*) Акты ист., III, 96.

**) Терещенко. Бытъ Р. Н. III, 191—192.

***) Фаминцынъ, Божества древ. Славянъ, стр. 218.

символизированія солнца въ видѣ коня, въ виду ранняго сближенія финскихъ племенъ съ арійскими и въ особенности со Славянами, мы склоняемся къ той мысли, что эти фигуры, служа украшеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ могли имѣть и символически-религіозное значеніе. Такое же значеніе могли имѣть и изображенія пѣтуховъ, разныхъ птицъ и барашковъ. Мы можемъ привести нѣсколько примѣровъ изъ древнихъ обычаевъ народовъ арійскихъ и нашихъ предковъ Славянъ, когда птицамъ, особенно пѣтуху и барашкамъ, придавалось символическое значеніе. Въ сказаніяхъ Русскаго народа Сахарова (11, 7, 99) приводится мѣсто изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича 1649 г., направленной противъ святочныхъ игрищъ, гдѣ говорится: „въ навечерье Рождества Христова (въ Москвѣ) кликали многие люди Коледу и Усень“. Авсень или Усень было у нашихъ предковъ божество, служившее представителемъ весенняго плодородія, въ основѣ котораго лежитъ солнечная природа. У Латышей до начала нынѣшняго столѣтія соблюдался сохранившійся изъ древняго культа этого бога обычай изготовлять угрошь въ Усеньевъ день, т. е. 23 апрѣля жертвенную трапезу.—Необходимую принадлежность этой трапезы составлялъ пѣтухъ, зарѣзанный въ конюшнѣ. Предварительно кровью его обрызгивали косякъ двѣри конюшни, потомъ мясо пѣтуха варили и съѣдали безъ участія женщинъ. Этотъ обрядъ совершался съ тою цѣлью, чтобы Усень защищалъ лошадей. — Въ день св. Михаила, когда прекращается выгонъ лошадей, опять приносился въ жертву пѣтухъ. Пѣтухъ былъ жертвенной птицей Усенью или Усеню и вмѣстѣ эмблемой восходящаго солнца, прогоняющаго сонъ и призывающаго всю живую природу къ новой дѣятельности и жизни. О приношеніи Усеню въ даръ пѣтуха упоминается и въ народныхъ пѣсняхъ, напр.:

Я зарѣзалъ Усеню пѣтуха

Съ девятью хохлами,

Чтобы росла рожь, росъ ячмень,

Чтобы круглы были лошади.

Историкъ Карамзинъ упоминаетъ объ обычаѣ древнихъ Славянъ, торжествуя собраніе хлѣба, обрѣзать пѣтуха въ даръ богамъ *). — Къ циклу солнечныхъ божествъ причисляется Ладо, имя котораго нынѣ возглашается преимущественно въ при-

пѣвахъ весеннихъ и свадебныхъ пѣсень у восточныхъ и южныхъ Славянъ. Дидь-Ладо (т. е. дидись — великій — Ладо) былъ великій богъ, весеннее божество плодородія, любви, брака и веселія, которому въ Литвѣ, Лифляндіи и на Руси во время купальскихъ игрищъ приносили въ жертву блѣ-снѣжнаго пѣтуха. У Балтійскихъ Славянъ въ числѣ солнечныхъ божествъ былъ Генниль. Въ честь этого божества въ Ганноверѣ въ прошедшемъ столѣтіи совершался такой обрядъ: въ праздникъ Благовѣщенія толпой отирались въ лѣсъ, срубали дерево и привозили его въ селеніе, здѣсь прикрѣпляли на его вершину крестъ, затѣмъ сельскій староста влѣзал на дерево и насаживалъ на крестъ желѣзнаго пѣтуха *). Обычай приносить въ жертву богамъ вообще живыхъ птицъ существовалъ у древняго народа — Россовъ. Константинъ Вагрянородный (10-вѣкъ) рассказываетъ, что Россы (на пути въ Царьградъ, въ 949 г.) у весьма великаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ. Воины Святослава, по словамъ Льва Діакона, погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ, по совершеніи погребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ. Обрядъ этотъ, вѣроятно, имѣлъ значеніе жертвоприношенія водѣ. Въ словѣ Христолюбца связано: Славяне „куръ имъ (богамъ) рѣжутъ“. Въ Орловской губерніи и донныя рѣжутъ куръ подъ овномъ 4 сентября при началѣ молотбы. И изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ данныхъ видно, что пѣтухъ, какъ жертвенная птица въ даръ солнечному богу, служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ его эмблемой, или символомъ. Кромѣ того мы имѣемъ свѣдѣніе, что пѣтухъ почитался птицею, посвященною Перуну и домашнему очагу и вмѣстѣ эмблемою счастья и плодородія, потому его при свадьбахъ, вѣроятно, приносили въ жертву богамъ, чтобы вымолить счастье и плодородіе новобрачнымъ. **) Мы не можемъ много распространяться о религіозно-мифическомъ значеніи животнаго — барана, но должны упомянуть, что и это животное служило олицетвореніемъ солнечнаго божества — Авсеня. Въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ дѣвушки и парни, колядуя наканунѣ Нового года, поютъ въ честь Авсеня пѣсни, изъ которыхъ заключитель-

*) Фаминцынъ, Божества древ. Слав. стр. 191.

**) Ист. Рус. словесности Порфирьева, ч. 1 стр. 36.

*) Ист. Карамзина, т. 1, гл. III стр. 60.

ная обращается прямо къ выювнику торжества и начинается такъ:

Ахъ бяшка, барашка,
Ты козья бородка,
Весенняя шерстка.

Или

Ахъ бяшка, ты бянка,
Ты козья бородка,
Кудрявая шерстка, пуховая спинка.
Люди, люди и пр.

Въ Русскихъ Колядкахъ встрѣчается колядующая телючка, колядующій баранъ, такъ какъ въ старину былъ обычай приводить въ домъ этихъ животныхъ, приносящихъ обиліе и счастье... И донны въ Сербіи существуетъ такой обычай, что въ первый день Рождества входитъ въ хозяйскій домъ пастухъ съ овцой. Баранъ съ золотыми рогами, появляющийся на небѣ наканунѣ Рождества и видимый тѣмъ, кто въ этотъ день постился, извѣстенъ Словакамъ. Златорогій баранъ упоминается и въ моравскихъ пѣсняхъ. Наконецъ божество Туръ, божество свѣта, относящееся къ циклу солнечныхъ божествъ, въ колядкахъ именуется златорогимъ. Впрочемъ этотъ эпитетъ Туру придавался въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ бараанъ, въ смыслѣ рогатаго животного: быка, оленя и проч.

Мы привели нѣсколько примѣровъ изъ обрядовъ нашихъ предковъ и родственныхъ имъ народовъ, объясняющихъ значеніе тѣхъ животныхъ и птицъ, въ формѣ которыхъ наши предки символизировали солнечныя божества, различно ими называемыя.—Теперь мы перейдемъ къ указанію слѣдовъ культа этихъ божествъ, очевидно, чествуемыхъ въ старину и въ Костромскомъ краю. Эти слѣды мы находимъ въ остаткахъ древнихъ праздничныхъ обычаяхъ и обрядахъ, приурочиваемыхъ нашими предками къ разнымъ перемѣнамъ въ природѣ, зависящимъ отъ измѣненій въ силѣ свѣта и теплоты солнца. Главная мысль, лежащая въ основѣ простонародныхъ праздничныхъ обрядовъ, можетъ быть выражена въ нѣсколькихъ словахъ: смерть природы зимою и обновленіе или воскресеніе ея весной. Въ великорусскихъ губерніяхъ, а въ числѣ ихъ и въ Костромской торжество Живы — богини весны и гибель Мораны — смерти или зимы чествуются возженіемъ праздничныхъ огней на масляницу. Вечеромъ въ воскресенье (или въ послѣдній день масляницы) поселяне при-

носить изъ своихъ дворовъ по снопу соломы и сложивши ихъ на окраинѣ деревни или у берега рѣки, какъ здѣсь, напр., близъ Костромы, сожигаютъ ихъ при радостныхъ кликахъ и пѣсняхъ собравшагося народа. Такой обрядъ называется сожженіемъ масляницы. Это собственно знаменуетъ изгнаніе зимы. Древніе празднества и обряды, въ пору христіанскую, предки наши приурочили къ христіанскимъ праздникамъ, въ которыхъ они находили одинаковыя основанія для сочетанія идей. Мысль о воскресающей веснѣ — богинѣ Живѣ сочеталась въ народныхъ представленіяхъ съ мыслью о пресвѣтомъ воскресеніи Праведнаго Солнца — Христа. Въ Костромской губерніи, по словамъ Аванасьева *), существуетъ обычай предъ великой Христовой заутреней входить на колокольни и стрѣлять отсюда изъ пистолетовъ и ружей. Тоже дѣлаютъ изъ западныхъ Славянъ Лужичане. Выстрѣлы эти знаменуютъ весенній громъ, прогоняющій нечистую силу зимы — смерти. На второй день Пасхи, на Красную Горку и въ Оуминѣ поведѣльники молодые парни и дѣвцы обливаютъ другъ друга ключевой водою, — обрядъ, символически обозначающій пролітіе небесныхъ источниковъ и осѣменение матери-земли, оплодотворяемой влагою дождя. — Какъ скоро богиня весны побѣдитъ демоновъ зимы, она тотчасъ одѣваетъ поля, сады и рощи сѣвжею зеленью и цвѣтами. Дни мая и начала іюня издревле признавались посвященными этой богинѣ и чествовались общенародными играми. Въ христіанскую эпоху такія игры, совершаемыя въ честь весны, были приурочены къ Вознесенію и Троицѣ. Весѣмъ извѣстенъ народный праздникъ, существующій повсемѣстно и донны въ четвергъ предъ Троицынымъ днемъ, т. е. Семикъ, когда есть обычай ходить въ лѣсъ и рощи съ пѣнями завивать вѣнки. Мѣстомъ завитія вѣнковъ выбираютъ преимущественно ту рощу, которая прилегаетъ къ засѣянному полю, для того, чтобы рожь уродилась гуще и прибыльнѣе. Вѣнокъ издревле служилъ эмблемою любви и супружеской связи. Вросая затѣмъ эти вѣнки въ воду, юноши и дѣвцы допрашиваютъ эту пророческую стихію о своей грядущей судьбѣ: если вѣнокъ уплыветъ, не коснувшись берега, это предвѣщаетъ

*) Поэтич. возвр. Славянъ на природу, томъ III, стр. 702.

счастливый брак и долгую жизнь, если вѣнокъ закружится на одномъ мѣстѣ, это знакъ неудачи (любовь останется безъ отвѣта) и т. п. примѣты. Нѣкоторыя народныя весеннія пѣсни, распѣваемые въ Семицѣ, въ мѣстахъ прежде бывшихъ заселенными народомъ Мерею, а именно на протяжении отъ Ростова и Переяславля Залѣскаго до Нижняго-Новгорода, поются въ честь солнечнаго божества Тура, слѣды культа котораго остаются доселѣ и въ Костромской губерніи. Кромѣ упомянутого нами равнѣ названія селенія близъ Галича Туровское, въ здѣшней губерніи поется такая весенняя Семицкая пѣсня въ честь бога Тура:

Ой, Турь, молодецъ удалой!

Онъ изъ города большого

Вызывалъ красну дѣвицу

Съ нимъ на травкѣ поборотся.

И къ этому обычный къ весеннимъ и свадебнымъ пѣснямъ прирѣвъ съ упоминаніемъ того же солнечнаго божества подъ другимъ названіемъ: „Ой Дидь Ладю, поборотся“. *) Кстати мы должны присоединить сюда, что въ 1836 году въ упомянутомъ селѣ Туровскомъ былъ найденъ небольшой идолъ, вылитый изъ красной мѣди. По преданію на горѣ надъ Галицкимъ озеромъ существовало капище Турово. **) Въ Нерехотскомъ уѣздѣ, близъ с. Острцова, какъ извѣстно изъ лѣтописей, одна мѣстность, нынѣ деревня, носила и носитъ названіе: Турдеевы овраги. Такъ въ лѣтописи, подъ 1433 г. повѣствуется, что „князья Юрьевичи (дѣти кн. Галицкаго Юрія Дмитріевича) съ Вятчанами и Галичанами, встрѣтивъ рать в. к. Василія Васильевича на р. Куся и разбивъ ее, возвратились въ Кострому, и когда Волга покрылась льдомъ, отступили къ Турдеевымъ оврагамъ“. Вторая половина названія, очень можетъ быть, есть измѣненная форма дѣвямъ, какъ есть между Ярославлемъ и Костромою селеніе Діево—Городище. Дій или Дый было у древнихъ Славянъ наименованіемъ небснаго бога наряду съ Хорсомъ, Перуномъ и друг... и по корнесловію древне-арійскаго происхожденія, именно происходитъ отъ одного Санскритскаго корня div—свѣтлый, откуда и

Латинское Deus, dies—день и греческое Ζεύς. Установивъ это слово-производство второй половины названія—деевы, мы въ названіи Турдеевы, вѣроятно, имѣемъ соединеніе наименованій: Турь—божество, олицетворявшее свѣтъ солнца, и Дій—небесный богъ вообще. Подобное соединеніе мы встрѣчаемъ въ прирѣвѣ къ народной пѣснѣ въ Костромской губерніи въ честь Тура: Ой Турь, Дидь Ладю. Примѣромъ измѣненія коренного слова можетъ служить древне-славянское названіе бога Дидь-Ладю (отъ Литовскаго слова didis великій), измѣненное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Дѣдь-Ладю. Съ божествомъ Туромъ, какъ видно изъ производныхъ отъ имени его словъ, соединяется понятіе о быстротѣ, поспѣшности, такъ слово въ Костромской губерніи—„туритса“ значить спѣшить. Отъ того же, вѣроятно, корня произошло и слово вытурить, т. е. заставить поспѣшно выйти.

Лѣто продолжается у насъ недолго. Солнце, достигнувъ полнѣйшаго проявленія своихъ творческихъ силъ, поворачиваетъ на зиму и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачиваетъ свой живоносный свѣтъ; дни начинаютъ умаляться, а ночи удлинняются. Этотъ поворотъ солнца или выѣздъ его въ дальній зимній путь сопровождался народными празднествами, приуроченными въ христіанскую эпоху ко дню Іоанна Крестителя (24 іюня). На Руси Ивановъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ Купалы. Въ старину въ это время вообще на Руси и, какъ видно, и въ здѣшнемъ Костромскомъ краю совершались праздничные обряды въ честь Купалы, плодотворящаго божества—Лѣта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ празднество Купалы называется Ярилоу, такъ какъ оба эти божества были одного культа и корни названій ихъ Куп и Яр совмѣщаютъ въ себѣ одно и то же понятіе (отсюда слова кипѣть, яриться); санскритскій корень „Кур“,—не только блистать, но и яриться. И по лингвистическимъ соображеніямъ нужно признать, что именно Купало и Ярило обозначали одно и то же плодотворящее божество Лѣта. Въ Костромской губерніи, какъ видно, въ старину совершались празднества въ честь обоихъ этихъ божествъ: такъ въ Галичѣ жители издавна собираются 24 іюня гулять по берегу озера, гдѣ, по преданію, стоялъ идолъ божества Купалы, и катаются по озеру съ пѣснями. Гулянье оканчивается обливаніемъ другъ друга водою и купа-

*) Снегиревъ, Русск. прот. праздн., 111—124.

**) Тамъ же,—216.

нiемъ въ озерѣ *). Въ Великой Руси имя и культъ божества Ярилы, несомнѣнно, были очень распространены, особенно въ средних и восточныхъ губерніяхъ, оставивъ по себѣ неизгладимыя слѣды въ названіи мѣстностей, ярмарокъ, игрищъ и гуляній. Ярило, являющагося представителемъ солнца, чествовали въ народѣ какъ божество, возбуждающее растительную силу въ травахъ и деревьяхъ, плототворящую силу въ животныхъ, любовь въ людяхъ, юношескую свѣжесть, силу и храбрость въ человѣкѣ. Ярилиныя гулянья и игрища происходить не въ началѣ, а въ концѣ весны или началѣ лѣта, при проходахъ отходящей весны, именно въ концѣ мая, или въ іюнѣ непосредственно предъ началомъ и въ первый день Петрова поста, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ даже тотчасъ послѣ поста. Игрище мѣстами заключается образомъ погребенія отживающаго свой вѣкъ вмѣстѣ съ весной бога, такъ какъ въ Ярилиныхъ игрищахъ воспроизводится идея кончины представителя весенняго плодородія, возвратившаго всю природу къ новой жизни послѣ зимняго сна, а затѣмъ съ наступленіемъ высшаго солнцестоянія удаляющагося, умирающаго, уступающаго мѣсто возвращающейся зимѣ. Причиной тому, что Яридинъ погребальнiй праздникъ отправляется не въ самое время высшаго солнцестоянія, какъ бы можно было ожидать, служить безъ сомнѣнія препятствующій теперь такому игрищу Петровскій постъ. Оттого Ярилиныя игрища обыкновенно отправляются на всесвятокъ недѣлѣ, т. е. передъ самымъ Петровымъ постомъ и кончаются въ первый день поста, если же они отправляются позже, то уже тотчасъ послѣ Петрова дня, т. е. по окончаніи неудобнаго для игрища времени поста. Ярило, какъ мнѣ, извѣстенъ въ Тверской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской губерніяхъ и въ Вѣлорусіи. Въ Костромѣ издавна извѣстно Ярилово поле, гдѣ и донынѣ во Всехвятское заговѣнье устраивается народное гулянье. Еще въ очень недавнее время, именно только въ прошломъ столѣтіи въ Костромѣ уничтоженъ обрядъ погребенія Ярилы. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: горожане сходились на площадь, избирали старика, одѣвали его въ ру-

бище и вручали ему небольшой гробъ съ куклою, которая изображала Ярилу. Затѣмъ отправлялись за городъ. Старикъ несетъ гробъ, а вокругъ него шли женщины, причитывая на распѣвъ похоронныя жалобницы и жестами своими стараясь выразить скорбь и отчаяніе. Въ полѣ палками вырывали могилу, хоронили въ ней куклу съ плачемъ и воемъ и тотчасъ же начинали игры и пляски, напоминавшія языческую тризну. Въ Галичѣ Костромской губ. въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ такой обычай: напивали какого нибудь старика, шутили и забавлялись надъ нимъ, какъ надъ представителемъ Ярилы. Его водили на дугъ, гдѣ устраивались хороводы и игры. Каждая молодца или дѣвушка, принимавшая участіе въ хороводѣ, предварительно клаялась Ярилѣ въ поясъ. По старинному преданію, близъ г. Галича, на Поклонной горѣ стоялъ идолъ Ярилы. Издавна жителями установленъ обычай ежегодно собираться здѣсь въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ для отправленія трехдневнаго праздника. Такое же игрище происходило и въ Кинешмѣ, въ роцѣ, получившей названіе Яриловой. Издавна совершаются такіа гулянья или игрища въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нерехотскаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Ярославской, Тверской, Рязанской губерніяхъ названія празднествъ смѣшались и Ярило называлось празднествомъ Купалы 24 іюня. Въ Костромской губерніи въ честь Ярилы устраиваются особыя гулянья. Въ Костромской старинѣ (вып. 3-й, стр. 54 и слѣд.) почетный членъ Костромской архивной коммисіи О. К. Моллеръ *) такъ рассказываетъ о многолюдномъ гуляньѣ въ Галичѣ, происходящемъ нынѣ въ первый послѣ Троицы воскресный день или во Всехвятское заговѣнье, извѣстномъ подъ названіемъ „Яриловки“: „вся нагорная часть Галича выходитъ на гулянье въ этотъ день; на вершинѣ Поклонной горы, гдѣ разбросано нѣсколько деревянныхъ домовъ, вся площадь вплоть до ближайшей деревушки, именуемой Олюшиною Слободою, отстоящей отъ города около полуверсты, наполняется гуляющими. Еще въ недавніе годы сюда стекалась масса народа какъ изъ Галича, такъ и изъ окрестныхъ селеній, района вереть на 10 и болѣе. Въ гульбищахъ сливались всѣ сословія, шеголяя по преимуществу въ особыхъ

*) Крживоблоцкій. Матеріалы для географіи и статист. Россіи. Костром. губ., стр. 512 и 598.

*) Теперь умершій.

национальных костюмах: молодые женщины и дѣвѣцы въ такихъ же костюмахъ водили хоро- водные круги съ пѣснями; головные ихъ уборы были украшены жемчугомъ.—Въ настоящее время такіе головные уборы составляютъ рѣдкость и они служатъ скорѣе памятниками старины. Гулянье Яриловка совершается въ теченіе трехъ дней сра- ду, причемъ молодежь прогуливаетъ напролетъ и самыя ночи. Четвертый день завершается окати- ваніемъ и обливаніемъ водою. Въ настоящее время эти гулябѣща стали малолюднѣе, но обычай обли- ванія водою укоренился глубоко и въ окружаю- щихъ селеніяхъ, гдѣ онъ иногда принимаетъ широкіе размѣры, соединяемые иногда съ печальными послѣдствіями. Такъ на четвертый, а въ иныхъ мѣстностяхъ на третій день съ самаго ранняго утра начинаются оживленіе и разныя ухищренія молодежи, чтобы невозможно болѣе напроказить въ способахъ обливанія. Начало по- лагается по преимуществу мужчинами, которые идутъ въ тотъ или другой домъ, гдѣ есть молодая же- нщина или дѣвѣца; послѣднія бываютъ одѣты соот- вѣтственно ожидаемому, всѣмъ извѣстному обычаю. Мужчины обливаютъ ихъ водою, гости также не получаютъ пощадъ и даже пожилые увлекаются нерѣдко проказами молодежи. Облитые присоеди- няются къ группирующей партіи и идутъ въ слѣдующій домъ. Случается и такъ, что изъ та- кихъ домовъ ревнители изстари сохранившагося обы- чая сходятся на улицѣ на излюбленныхъ мѣстахъ и оттуда для такого омовенія отправляются на рѣку или къ пруду. Тутъ экстазъ доходитъ до того, что производится общая свалка погруженія въ воду, обрызгиванія и т. д. Чѣмъ милѣе пред- метъ, тѣмъ болѣе возбуждается энтузіазмъ къ наи- возможно разнообразнѣйшему примѣненію спосо- бовъ, такъ сказать, водяной оргіи“.

Вблизи самой Костромы и верстахъ въ 20 отсюда внизъ по Волгѣ на лѣвомъ берегу ея, про- тивъ деревни Чернопеня, донныя устраиваются народныя гулянья во Всѣхсвятское заговѣнье, изъ которыхъ Костромское извѣстно донныя подъ на- званіемъ „Яриловки“, а противъ Чернопеня оно извѣстно подъ названіемъ „Воронки“. Оба эти гу- лянья въ настоящее время не сопровождаются уже какими нибудь обрядами, сохранившимися отъ старины. Игры болѣе новѣйшаго происхожденія. Старинный же обычай составлять круги или хоро-

воды соблюдается. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣ- дователей, названіе игры хороводомъ произошло отъ имени бога солнца Хорса, т. е. игра въ честь этого бога, что подтверждается и формою круга, составляемаго играющими, какъ символа солнца. Мы замѣтили еще обычай выхода съ противопо- ложныхъ сторонъ молодца и дѣвѣцы, которые беру- ть другъ друга за руки, или ударяютъ друга по ладонямъ. Не забудемъ, что древнее божество Ярило было олицетвореніемъ плодотворной силы солнечнаго свѣта и богомъ любви. Пѣсни, которыя поются во время гулянья, уже повѣйшаго проис- хожденія, но общее содержаніе ихъ есть все же взаимная любовь лицъ двухъ половъ. Мы слышали къ одной пѣснѣ припѣвъ „Лелю“; это есть оста- токъ старины въ видоизмѣненномъ названіи божес- тва Ладо—бога веселія, женитвы, по народному выраженію, или ина божества брака и всякаго благополучія. „Сему богу жертвы приношаху хо- тящій жениться, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ“, сказано въ лѣтописи.*) Въ Синописѣ (46) Ладоу называеся мать божества Леля: „также и мать Лелеву и Полелеву Ла- ду поюще... на брачныхъ веселіяхъ“. Въ обще- славянскомъ богѣ женитвы и веселія Ладѣ мы узнаемъ божество, близко родственное великорус- скому Ярилѣ, представителю весенняго плодородія. Въ силу этого родства божество удержало и ста- ринный припѣвъ къ нѣкоторымъ пѣснямъ въ Яри- линъ день: „Лелю“ тоже, что „Ладо“. Праздне- ство въ честь Ярилы, какъ мы видѣли, въ ста- рину оканчивалось похоронами его изображенія. Здѣсь кроется мысль о начинающемся послѣ лѣт- няго поворота солнца замираніи плодотворящихъ силъ природы; дни сокращаются, ночи увеличи- ваются и вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа бли- зится къ старости, увяданію. Мысль о зами- рающихъ силахъ природы особенно наглядно вы- ражается въ тѣхъ знаменательныхъ обрядахъ, ко- торые еще недавно совершались на Всѣхсвятской недѣлѣ, либо въ первое воскресенье послѣ Петро- ва дня и были извѣстны въ нашемъ народѣ подъ названіемъ похоронъ Костромы, Ладо и Ярилы. По всему вѣроятію, обряды эти принадлежали въ старину къ купальскимъ играмъ... Божества: Ладо, Купало, Ярило, Кострома собственно были

*) Полн. собр. Русс. Лѣтоп. II, 257.

одного цикла. Они служили в общем смысле олицетворением животворящих сил природы. Эти силы послѣ поворота солнца на зиму начинают слабѣть, какъ бы замирать. И вотъ древніе народы, замѣтивъ, что дни уже начинают сокращаться, что солнце, хотя и свѣтитъ и печетъ, но уже не такъ продолжительно, какъ раньше, отмѣтили время начала замиранія силъ природы особыми обрядами похоронъ божествъ этихъ силъ: Ладо, Ярилы (солнечныхъ божествъ) и Костромы (божества Весны). Въ Малороссіи послѣднему божеству придавалась мужская форма — Кострубоньки, или Коструба. О. Э. Миллеръ говоритъ: „Кострубонькой въ Малороссіи называлась Веснякъ, божество Весны“ *). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Велико-россіи имя это передѣлалось въ Кострому. Въ этомъ послѣднемъ божествѣ видятъ женскую форму Кострубоньки, похороны котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи совпадали съ временемъ похоронъ Костромы на сѣверѣ, соответствовавшемъ нынѣшнему первому воскресенью послѣ Петрова дня. Совершалась ли этотъ обрядъ въ здѣшнемъ краю — утверждать мы не можемъ, по крайней мѣрѣ, съ такою очевидностью, какъ объ обрядѣ похоронъ Ярилы, уничтоженномъ лишь въ концѣ прошлаго вѣка. Мы можемъ высказать только предположеніе, что народъ съ теченіемъ времени забылъ обо всѣхъ существовавшихъ здѣсь старинныхъ обычаяхъ, объединивъ ихъ въ одномъ обрядѣ похоронъ Ярилы. Названіе же рѣки и по ней, вѣроятно, города Костромою, именемъ тождественнымъ съ названіемъ упомянутаго божества, наводитъ на мысль, что культъ божества Костромы распространенъ былъ больше въ старину, чѣмъ сколько намъ извѣстно объ этомъ теперь по положительнымъ даннымъ.

Г. Аванасьева, въ своемъ капитальномъ трудѣ: „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу“ **) приводитъ такіа свѣдѣнія объ обрядѣ похоронъ Костромы: „похороны Костромы въ Пензенской и Симбирской губ. совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвцы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ поклонами, клали ее на доску и съ пѣснями несли къ рѣкѣ;

тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвующихъ въ обрядѣ сѣдала изъ дубка дубокошко и била въ него, какъ въ барабанъ; послѣдовъ возвращались въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Въ Муромскомъ уѣздѣ была иная обрядовая обстановка. Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили ее на берегъ рѣки или озера. Собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины, — одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а солому топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывая лица свои руками и какъ бы оплакивая смерть Костромы. Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только изъ соломы, но также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ, и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово Кострома означаетъ пруть, розгу и ростущія во ржи сорныя травы, каковы: кострець, костера — трава метлица, кострыка — крапива.... Подобный же обрядъ въ Саратовской губерніи называется проводами весны. 30 іюня дѣлаютъ соломенную куклу, наряжаютъ ее въ кумачный сарафанъ, ожерелье и кокошникъ, носятъ по деревнѣ съ пѣснями, а потомъ раздѣваютъ и бросаютъ въ воду.“ „Ярилово празднество отличалось тѣми же характеристическими чертами“, добавляетъ г. Аванасьева. Послѣднее его замѣчаніе имѣетъ для насъ значеніе въ виду высказаннаго нами предположенія, что культы Ярилы и Костромы впоследствии могли слиться или объединиться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и представляться потомъ въ одномъ общемъ обрядѣ, что и могло случиться здѣсь въ Костромѣ, гдѣ существовалъ обрядъ похоронъ Ярилы, а теперь остается только одно народное гулянье Яриловка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Приволжскаго края и донныя совершается выше изложенный обрядъ проводовъ или похоронъ Костромы — Весны. Въ извѣстныхъ обществахъ археологій, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1892 г., въ 10 т. вып. 1-мъ, мы находимъ очень интересную записку о проводахъ Костромы — Весны въ Самарскомъ уѣздѣ: „У рожи, почти ря-

*) Христоматія къ опыту историч. обозр. Русс. Словесности, ч. 1, стр. 6.

**) Томъ III, стр. 725 и слѣд.

домъ съ хуторами, расположилось кладбище.— Здѣсь на кладбищѣ остановился хороводъ и зата- нулъ протяжную тоскливую пѣсню. Позади хоро- вола двигалась пѣлая толпа изъ мужиковъ, бабъ, стариковъ и старухъ, бѣжали и ребята.... Боль- шинство дѣвушекъ (участницъ въ хороводѣ) одѣты были не въ сарафаны, а въ городскія платья, сидѣ- нія на нихъ неуклюже и некрасиво. Пѣсня, кото- рая пѣлась молодежью, приблизительно была та- кого содержанія: „Кострома, Кострома, зачѣмъ ты насъ покидаешь, зачѣмъ оставляешь. Конецъ на- шему бездѣлю, хорошему веселью“ и т. д. Кос- трома, Кострома... пѣли парни и дѣвушки, обра- щаясь къ медленно движущейся фигурѣ, изобра- жающей Кострому. Высокая закутанная съ головы до ногъ въ бѣлые простыни, перевязанная гирля- дами цвѣтовъ и зелени, съ кудрявою дубовою вѣт- кою въ рукахъ, Кострома кланялась во все стороны. „Недолго, недолго осталось“, таинственно шептали бабы и съ боязливымъ испугомъ огляды- вались на темнѣющую дубовую рощу. Со стороны казалось, что здѣсь совершается что-то загадоч- ное... „Смерть! Смерть!“ — раздался вдругъ крикъ. Изъ рощи на пирующихъ двигалась все ближе и ближе бѣлая тѣнь. Вотъ она подошла къ тол- пѣ, которая какъ бы въ испугѣ отскочила прочь отъ нея и бросилась въ хороводу. Умолкла пѣ- сня. Сомкнулись плотнѣе парни и дѣвушки. Глав- нула Кострома на Смерть, ринулась въ сторону и съ крикомъ упала на землю. Словно растерявшаяся отъ неожиданности разступилась молодежь и Смерть безпрепятственно вторглась въ самый центръ хо- ровода къ лежащей Веснѣ... Съ радостнымъ кри- комъ начала она хлестать сухой вѣткой (изобра- жающей смертельную косу) зеленую цвѣтущую бо- гиню. Завязалась борьба. Вступаютъ въ бой и чар- ни и дѣвушки, стоя за Кострому, но побѣда оста- лась за всемогущею Смертью. Весна умираетъ. Раздается грустная похоронная пѣсня. „Умерла уже,“ братца, „умерла Кострома наша,“ раздается чей-то голосъ. Вновь смолкаетъ пѣсня. Моментально по- является откуда-то огромная кадка воды и тихо, какъ бы это совершался обрядъ отпѣванія надъ покойникомъ, выливается на умершую Кострому. Старые и малые наперерывъ тѣснятся къ центру. Теперь хоронить! раздаются кругомъ голоса. Кос- трома кладется на носилки, а Смерть съ видомъ побѣдителя, сразившаго божество, помѣщается на

груды ея. Сильныя руки мужиковъ взваливаютъ носилки на плечи и мѣрно торжественное шествіе двигается вдоль улицы, спускается подъ гору, гдѣ раскинулся прудъ и съ размаху и Весна и Смерть бросаются въ воду. Кончилась игра въ Кострому. Раздаются дружный смѣхъ, визгъ и пѣсни. Гряз- ные, мокрые выползаютъ похороненные изъ воды. Ихъ дѣло кончено. Они теперь не Смерть, не Весна, а такіе же удалые и веселые парни, какъ и все остальные. На дѣвушекъ летятъ комки гряз- и, товарищамъ сыплются удары за ударомъ. Крикъ, шумъ не смолкаютъ и хуторѣ до утренней зари“.

Совершается ли гдѣ либо въ Костромскомъ краю такой обрядъ, мы не слышали.— Нѣчто по- хожее по обряду обливанія или купанія дѣвушекъ въ рѣкѣ или прудѣ происходитъ на четвертый день гулянья, извѣстнаго подъ именемъ Яриловки, въ Галичѣ, какъ мы видѣли изъ разсказа О. К. Моллера. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ старину въ здѣшнемъ краю совершались все обряды похоронъ божествъ: Лады, Ярилы и Костромы; на мысль о существованіи здѣсь въ старину послѣднаго обряда, т. е. похоронъ Костро- мы выводитъ названіе рѣки, здѣсь вытекающей въ Волгу, и по ней, вѣроятно, и нашего города, тож- дественное съ наименованіемъ божества Весны — Кос- трома. Теперь этотъ обрядъ только, вѣроятно, забытъ здѣсь, и въ Костромѣ теперь остается отъ старины одинъ обычай устраивать гулянье—Яри- ловку.—Мы едва ли не исчерпаемъ все извѣстныя намъ слѣды мифологіи древнихъ обитателей Ко- стромского края, если въ заключеніе упомянемъ объ обычаяхъ, существующихъ въ здѣшней губерніи, вѣшать въ курятникахъ камни, такъ называемые Куричьи боги, для того, чтобы Кикиморы не давили куръ. Одинъ изъ этихъ камней, достав- ленный въ Московское Археологическое Общество (Археологич. Вѣстн. 1867 г. IV, 186), носить на себѣ слѣды искусственной отдѣлки: онъ изо- бражаетъ голову, у которой видны глаза, уши, носъ и просверлены ноздри.

И. Миловидовъ.

